

Звонок с урока возвестил об окончании внеплановой контрольной по математике.

Не успели ученики перевести дух, как в дверь вошел еще один преподаватель с пачкой бумаг в руках.

Весь класс скривился:

— А-а-а...

Увидев это, учитель Лу улыбнулся:

— Чего вы „а-а-каете“? Уже два с половина года прошло, а всё привыкнуть не можете?

— Да мы просто для формы.

— Нам не по себе, если мы перед контрольной не поаем.

Учитель Лу с улыбкой погрозил им пальцем, а затем раздал тесты ученикам на передних партах:

— Всего четыре бланка, на всех сплошь крылатые фразы и стихи наизусть. За эти два урока я разберу с вами самое главное, подчеркну часто встречающиеся строки и те слова, в которых чаще всего делают ошибки. Все четыре листа нужно выучить наизусть, через пару дней устрою проверочный диктант.

Стоило услышать слово «диктант», как класс снова издал протяжный стон:

— А-а-а...

Ю Лянь не стонал, потому что еще не получил свой вариант и не осознал масштаба трагедии.

Но когда бланки дошли до него, он тоже присоединился к общему хору. Бумага формата А4, сплошь исписанная мелким убористым шрифтом с обеих сторон — и таких листов целых четыре штуки. То есть этот плотный текст, умноженный на четыре.

— У меня сейчас начнется приступ трипофобии.

Кто-то из ребят бросил эту фразу, и Ю Лянь, услышав ее, почувствовал глубокое сочувствие. Кивнув, он машинально скосил глаза на Гун Хэ, желая посмотреть на его реакцию.

Однако Гун Хэ никак не отреагировал.

С бесстрастным лицом он разглядывал листы, а его угольно-черные глаза были глубокими и неподвижными, как древний колодец.

Скука.

Ю Лянь потерял всякий интерес, отвернулся и снова сосредоточился на уроке.

Унаследовав прекрасные качества Альф, точными науками он владел блестяще, а гуманитарными — чуть слабее. Хотя он учился в естественно-научном классе, по китайскому языку на экзамене давали сто шестьдесят баллов, что составляло немалую долю от общей суммы в четыреста восемьдесят баллов за три предмета: китайский, математику и иностранный.

Раз уж он решил притворяться Омегой, литературе определенно стоило уделять больше внимания.

Поэтому Ю Лянь достал красную ручку, делал пометки в такт словам учителя и слушал с невероятным усердием.

Стоило ему погрузиться в учебу, как у него появлялась одна привычка —

Рука, не державшая ручку, бессознательно тянулась почесать волосы на затылке. Он не накручивал пряди на пальцы, а просто подушечками пальцев снова и снова легко гладил себя по голове.

— Ц.

Во время очередного поглаживания подушечки пальцев случайно задела еще не до конца заживший след от укуса на затылочной железе.

Боль была едва ощутимой, и его тихий вздох не привлек ничьего внимания. Ю Лянь лишь удивился: как же так, прошла уже целая неделя, а рана до сих пор полностью не затянулась.

Физическая форма Альф превосходна, и одно из ее проявлений — высокая способность к регенерации и быстрое заживление ран. Раньше, если он получал синяки или царапины, любые поверхностные повреждения обычно заживали за каких-то три дня.

Неужели всё дело в том, что это место — железа, а железы гораздо уязвимее, поэтому и восстанавливаются дольше?

Или же причина в...

В тех нескольких уколах омежьего феромона?

Белоснежные подушечки пальцев еще пару раз легко коснулись следа от укуса, а затем отдернулись.

Ю Лянь решил в обед позвонить врачу.

Четыре листа — разбирая основные моменты, учитель добавил еще множество сопутствующих тем, поэтому за два урока по литературе они так и не успели пройти всё до конца.

В ту же секунду, когда прозвенел звонок с урока, по классу пронесся легкий ропот.

Учитель Лу с беспомощной улыбкой протянул:

— Ой, да не переживайте вы так, дайте мне хотя бы полфразы договорить, а?

Эта половина фразы тянулась еще целых пять минут.

И ладно бы эти пять минут отнимали от какой-нибудь другой перемены, так ведь они крали драгоценное время всего класса на добычу еды! Стоило преподавателю произнести слово «свободны», как ученики синхронно подорвались со своих мест и с видом голодных волков ринулись к передней и задней дверям класса:

— Остынет, остынет! В очереди насмерть стоим!

— Эта сволочь точно всё мясо подчистит!

— Хе-хе-хе, у третьего класса еще пара не закончилась.

— Серьезно? Какое облегчение!

Буквально через мгновение класс почти опустел, и на своих местах остались лишь два негибавых парня.

Ю Лянь и Гун Хэ.

Учитель Лу, прижимая к груди учебные материалы, бросил:

— Новый ученик, ты разве не идешь обедать?

Ю Лянь отозвался:

— Я сейчас пойду.

Учитель Лу с улыбкой кивнул и, забрав вещи, вышел из класса.

В кабинете остались только они вдвоем.

— Чего ты не уходишь? — спросил Ю Лянь, повернув голову.

Он планировал сначала позвонить, а потом сходить в школьный магазин за лапшой быстрого приготовления, спешить ему было некуда, но раз уж Гун Хэ сидел на месте и никуда не собирался, Ю Лянь чувствовал: тот хочет что-то ему сказать.

Да и было о чем поговорить.

Он заявился сюда внезапно, сменив школу, и Ю Лянь ни за что не поверил бы, что у Гун Хэ нет на этот счет никаких мыслей. Этот парень с детства умел скрывать свои истинные намерения, но как бы глубоко он ни прятал их, Ю Лянь вытащит всё наружу.

Ему безумно нравилось наблюдать, как меняется лицо этого типа.

Гун Хэ опустил ручку на стол, приподнял веки, и в его угольно-черных глазах отразилось лицо Ю Ляня.

Он встал, и его голос прозвучал холодно:

— Пошли, в туалет.

В туалет?

Ю Лянь приподнял бровь и бросил взгляд на камеру видеонаблюдения в задней части класса:

— В какой туалет?

— На седьмом этаже.

Ю Лянь поднялся:

— Ладно.

Учебный корпус в обеденный час был совершенно пустым, и они поднимались до самого седьмого этажа, не встретив ни души.

Стоило им увидеть туалет, как Ю Лянь понял, почему они пришли именно сюда: уборная была на ремонте и временно закрыта. Во время занятий рабочие не трудились, так что людей здесь обычно не было.

Любопытство Ю Ляня разгорелось еще сильнее.

Что же на самом деле хочет ему сказать Гун Хэ? И надо же было устраивать из этого такую тайну.

Он последовал за Гун Хэ в помещение туалета, но шедший впереди внезапно остановился — только благодаря быстрой реакции Ю Лянь не врезался прямо в него.

Ю Лянь нахмурился:

— Нельзя ли прекратить так резко тормозить на ходу?

Гун Хэ холодно бросил:

— Хватит пустого баловства, давай сразу к делу.

Ю Лянь слегка растерялся:

— К какому еще делу?

Выражение лица Гун Хэ изменилось.

Он коротко усмехнулся, и в его ледяном взгляде мелькнуло насмешливое выражение:

— Хватит ломать комедию, разве тебе не нужны мои феромоны? И как же ты хочешь получить их на этот раз? Объятия, поцелуи или секс? Говори прямо, я во всем подыграю.

С этими словами он засунул одну руку в карман брюк и чуть приподнял подбородок.

Гун Хэ был на шесть сантиметров выше Ю Ляня, и, поскольку они стояли очень близко друг к другу, этот взгляд сверху вниз казался Ю Ляню не просто насмешливым — в нем таилось слишком многое из того, что его жутко раздражало. — Я с чего это вдруг захотел твоего феромона? — Ю Лянь немного вспылil, обвинение показалось ему совершенно абсурдным.

Гун Хэ тихо усмехнулся:

– Чем ты занимался, когда на уроке математики объясняли тему?

– Я... — Ю Лянь замер.

– Ты внюхивался в мой феромон. — Гун Хэ слегка опустил голову, заглядывая Ю Ляню в глаза.

Руки Ю Ляня, висевшие вдоль тела, судорожно сжались в кулаки, и он отвлёк чужой взгляд:

– Чушь собачья!

– Двадцать три минуты. Ты всё это время принюхивался ко мне, неужели думал, что я не замечу?

Гун Хэ придвинулся ещё ближе, и его горячее дыхание овеяло губы Ю Ляня:

– Ну и как, вкусно?

Он намеренно понизил голос, и тот, слегка хриловатый, прозвучал двусмысленно и дразняще.

Вся злость разом испарилась, а щеки Ю Ляня залил густой румянец.

Он приоткрыл рот, но не смог вымолвить ни слова, потому что в тот момент он действительно внюхивался в феромон Гун Хэ и даже забыл слушать объяснения учителя.

– Хочешь, чтобы я продолжил?

Уголки губ Гун Хэ растянулись ещё шире. Он поднял руку, и его чётко очерченные пальцы упёрлись Ю Ляню в подбородок:

– Почему на уроке литературы ты трогал железу? А когда потрогал, почему смотрел на меня?

– Я... — Ю Лянь только подал голос, как тут же запнулся.

Это он как раз мог объяснить: к железе он прикасался, чтобы примерно понять, как заживают следы от укуса, а на Гун Хэ после этого глянул лишь в порядке очереди. Тогда он окидывал взглядом весь класс, потому что не хотел привлекать к себе внимания, но говорить об этом и объясняться с Гун Хэ он вовсе не собирался – ему казалось, что стоит только оправдаться, и он проиграет.

К тому же, с какой стати он должен перед кем-то отчитываться?

И правда, с какой стати?

– Какое ты имеешь право меня допрашивать?

Как только эта мысль встала на место, боевой дух мгновенно вернулся. Ю Лянь оттолкнул руку Гун Хэ и в упор уставился на него:

– Ну и что, что я внюхивался в твой феромон? Ну и что, что трогал свою железу? Да, я хотел твоего феромона, и что с того? Хватит строить из себя оскорбленную невинность, и не смей делать мне одолжение – даже если не хочется, придется терпеть! Кто заставил тебя обручиться со мной? Пока наша помолвка не расторгнута, ты будешь подчиняться мне и слушать во всём!

Гун Хэ промолчал.

Опустив взгляд на рассерженного Ю Ляня, он мысленно вернулся в прошлое.

Тогда им было по пять лет.

Когда им исполнилось по три года, старшие члены семей ради коммерческого сотрудничества заключили между собой помолвку, и мальчики всегда знали о существовании друг друга.

Это была их первая встреча.

Он до сих пор помнил, как сильно тогда волновался: встал спозаранку, взял маленькое пирожное, которое накануне испек собственными руками, и в трепетном предвкушении стал ждать встречи с маленьким Ю Лянем.

Он встретил Ю Ляня в саду семьи Юй.

С первого же взгляда он влюбился в этого похожего на фарфоровую куколку малыша.

Он протянул ему приготовленное пирожное и хотел было пожать руку, чтобы подружиться.

Но кто бы мог подумать, что, узнав о помолвке, маленький Ю Лянь прямо у него на глазах выбросит пирожное, закатит глаза и заявит: Я вовсе не собираюсь на тебе жениться, ты мне не нравишься!

И выражение лица, и тон были донельзя капризными и избалованными, точно у цветочка, выращенного в оранжерее под струями всеобщего баловства, который отроду не знал никаких тягот.

Гун Хэ помнил, как ему было больно, но он вовсе не сердился, а лишь отчаянно пытался наладить отношения с маленьким Ю Лянем.

Однако что бы он ни делал, тот оставался глух и слеп: каждая встреча неизменно сопровождалась презрительным закатыванием глаз и фразой ты мне не нравишься.

Лишь в младшей школе он понял, почему Ю Лянь не ненавидел других, а взелся именно на него.

Всё из-за помолвки, которую Ю Лянь терпеть не мог, а потому автоматически переносил свою ненависть и на него самого.

Эта нелюбовь была одновременно дерзкой и совершенно бессмысленной.

Образ маленького Ю Ляня из воспоминаний слился с выросшим перед ним взрослым Ю Лянем, и Гун Хэ вдруг захотелось усмехнуться.

Прошло столько лет, а он ни капельки не изменился.

Всё такой же своенравный, властный и не желающий слушать никаких доводов.

– Чего молчишь?

Из-за молчания Гун Хэ Ю Ляню казалось, что он кипит изнутри от злости, а в носу отчаянно щипало от обиды. Сжав зубы, он продолжил:

– Всё еще считаешь себя обиженным? Ты оскорблен, а я, по-твоему, нет?! С чего ты взял, что я так уж сильно тебя люблю? Если бы не мои родители, которые наотрез отказываются расторгать помолвку, я бы давно нашел кого-нибудь другого! Чем ты вообще заслужил, чтобы тебя любили? Техника никудышная, а еще хватает наглости заикаться о сексе – на улице любого встречного поймай, и тот окажется искуснее тебя!

Взгляд Гун Хэ потемнел, а голос прозвучал так, будто слова протискивались сквозь зубы:

- Ты еще смеешь искать кого-то другого?

Ю Лянь сглотнул слюну: ему показалось, что сейчас Гун Хэ выглядит гораздо страшнее, чем минуту назад.

- А почему не смею? У тебя отвратительная техника, мне и поискать получше нельзя?

Гун Хэ зло рассмеялся, кончиком языка уперевшись в десну, и в упор всмотрелся в глаза Ю Ляня:

- Искать другого? Ты говоришь, что собираешься найти кого-то? А что потом? Найдешь и расскажешь ему, что из-за поздней дифференциации твое тело недоразвито, ты отличаешься от нормальных Омег, твоя матка не выделяет смазку, и даже на прелюдию уходит битый час?

Ю Лянь остолбенел. Широко раскрытыми глазами он уставился на Гун Хэ, а лицо его то бледнело, то покрывалось алыми пятнами:

- Да пошел ты! Сам ты, блин, и... и у тебя ничего не выделяется!

Его грудь часто вздымалась от гнева, он тяжело и громко дышал.

- Ты посмеешь рассказать об этом кому-то другому?

Гун Хэ подался вперед, возвышаясь над Ю Лянем:

- Это с тобой трудно совладать или у меня техника плохая, сам-то подумай головой?

Ю Лянь не собирался отступать и, вытянув шею, бросил:

- Именно что техника плохая!

- Серьезно?

Гун Хэ находился от Ю Ляня так близко, что они почти касались друг друга губами:

- Разве не ты орал в тот день? Откуда мне знать, может, в постели нашелся третий лишний, раз я чего-то не расслышал?

- Я орал, потому что мне было больно!

- Ты не был ранен.

Гун Хэ выговаривал каждое слово отдельно, глядя с абсолютной серьезностью:

- Готов ручаться, я всё сделал отлично.

Ю Лянь сжал губы, тяжело дыша.

Он чувствовал себя до предела уязвленным, но возразить Гун Хэ было нечем, потому что тот говорил чистую правду: в тот день... он и впрямь всё сделал отлично.

<http://bllate.org/book/26199/3136313>